

Дмитрий КОРЧАГИН

Родился в 1975 году, город проживания – Москва. Образование высшее. После университета работал в сфере ресторанного бизнеса.

В 2020 году вместе с Сергеем Литяжинским и Севастианом Протопоповым организовал сообщество независимых авторов «Трио-Лит». Публикуется на литературных площадках. В 2023 году самиздатом выпущен сборник «Трио-Лит 1», куда вошли его повести и рассказы.

ЮБИЛЕЙ СВЕТСКОЙ ЛЬВИЦЫ

Как это водится у женщин в такие минуты, в её и теперь красивых тонких пальцах появился носовой платок. Уже час, как она смягчила режим освещения, уже час, как разошлись самые близкие, самые дорогие ей люди, которым она никогда бы не рассказала того, о чём сейчас говорила с подругой своей юности, наверное, единственной сверстницей, дожившей до этого её юбилея. Тот, кто помнил Марию Павловну (так звали хозяйку дома) в её лучшие годы, сразу признал бы её изящные фаланги и не посмел бы приглядываться к возрастным изменениям кожи. Да и перстни отвлекли бы его внимание.

В полумраке пентхауса вторая светская львица лихих, давно минувших лет разглядела вышитую на платке монограмму «МВ» и едва заметно, с осуждением усмехнулась: «Скажите, пожалуйста, МВ!» Потом разглядела на губах у первой ностальгическую улыбку, милостиво сулившую кому-то прощение, потом заметила, как откровенно заблестел солёной влагой взор её старшей подруги. «Ну что такое?» – подумала младшая брезгливо и даже захотела сплюнуть. Одной секундой ранее маленькая рептилия в своих покоях на самом дне её лёгких, встревоженно приоткрыла глаза. Эту рептилию бывшая львица часто называла своею душой и была уверена, что там, во тьме грудной клетки, ей самое место.

Обеим светским Pantera leo, пусть и пенсионного возраста, был безжалостно к лицу сверхъестественный блеск их дорогих искусственных зубов. Поэтому на людях одна из них его стеснялась. Вторая же, напротив, открывала рот при каждом удобном случае. Кичилась мёртвым белоснежным здоровьем своих клыков. Вот и теперь, едва поняв, что ситуация располагает, она ослабилась, несмотря на то что зрителей у этого ролика и сейчас не было, и никогда не будет. Удивительно, но она никак не хотела понимать, что смех в её годы редко кого украшает.

– И что он тебе ответил? – ехидно переспросила она, отдышавшись.

– Он сказал, что весь сахар внизу.

И глупая предательская слезинка скатилась к подбородку Марии Павловны. Гостя с осуждением фыркнула. Её бесили и воспоминания первой львицы, и сентиментальность, с которой она их пересказывала. Но пикантные детали, так не свойственные разговорам дам их возраста, увлекали и вынуждали терпеть, чтобы потом было о чём по-старушечьи похихикать. И в предвкушении ещё одного откровения она терпела.

– О каком это он сахаре? – решила уточнить вторая львица, ни капли не сомневаясь при этом, о чём идёт речь.

– Это английская поговорка, – простодушно и беззлобно ответила первая львица, – в смысле «остатки сладки».

От разочарования лучшая подруга скрипнула жевательными зубами, и в этом скрипе нетрудно было услышать: «Какая же ты была... мягко говоря, тупица».

Когда и потолок, и пол в центральной части пентхауса приятным розовым светом привлекли к себе внимание обеих собеседниц, часы показывали 21 час и 21 минуту. Пространство вокруг наполнилось лёгкой электронной импровизацией одной из популярных в их юности мелодий. Хозяйка дома, старшая львица, с грустью скривила губы, вспомнив, как покраснелась однажды в шестнадцать лет перед друзьями своего нового френда, заметившими, что она пританцовывает под эти по щенячьи ласковые три аккорда.

– Старая кляча! – ругала Мария Павловна саму себя, разыскивая среди подарков и цветов на журнальном столике пульт, – старость не радость.

– На стойке что-то моргает. Не он?

– Он! Конечно же.

Нажимая на дисплее пульта кнопку «Ответить», она чуть не брызнула слезами, увидев, что звонит внук. Музыка стихла. Внутри трёхметрового розового цилиндра света, сгустившегося в центре помещения, появился раскинувший рукава изящный мужской костюм.

– Хеппи бёздей ту ю! – пел своим оперным баритоном пока ещё невидимый внук. – Хеппи бёздей ту ю!

Гостя разинула рот. Она аплодировала, не отрывая взгляда от глубокомысленно синего костюма, к которому скоро приросли снизу начищенные туфли, а из рукавов появились ладони, потом в одной из них букет. И только после того, как голографический корпус внука прижал одну из ладоней к сердцу, появилась его, не отличишь от натуральной, голова.

– Хеппи бёздей, миссис президент, хеппи бёздей ту ю!

Обе старушки ликовали. Старшая, то есть хозяйка, бросилась было внутрь розового облака. «Бросилась», конечно же, в кавычках.

– Бабуля, нельзя! Что ты как маленькая! Я же не в Москве. Обнимем-ся через три месяца!

– Стасик, родной мой!

Стасик самодовольно поправил причёску и с улыбкой, с уместными шутками произнёс длинную поздравительную речь, в которой с благодарностью вспомнил все заслуги бабушки перед ним, перед семьёй и перед отечеством. И как хорошо воспитанный юноша, как джентльмен, точную цифру её юбилея не произнёс.

– Ну, как тебе подарок папы? У тебя шестой в России голофон. Ты круче... – и внук одними губами произнёс фамилию самого одиозного олигарха.

Бабушке-львице очень нравился и тон разговора со львёнком, и его содержание. Внук шутил без умолку пятнадцать минут. Поздравлял, предупреждал, обещал. В самом конце даже пустил слезу, пеняя на несовершенство папиного изобретения и на его некачественное воплощение китайской компанией. И в самом деле, четыре года прошло с момента презентации нового средства связи, а одежда как появлялась раньше самого абонента, так и появляется. Потом бабушка Маша благословила Стасика, и он попрощался.

– Я моложе тебя на восемь лет, а во мне столько прыти, как в тебе, нет. Как ты подскочила сейчас. Прямо львица-ветеран. И ведь весь вечер, хоть и были только свои, не расслаблялась, держалась молодцом, – завистливо зашепелявила гостья, – я бы сказала, молодницей.

Понимая, что старая подруга больше льстит, чем говорит искренне, бабушка Маша с улыбкой отмахнулась. Она никак не могла понять своего настроения. Почему, с одной стороны, ей сейчас так хотелось вспомнить молодость, а с другой, так не хотелось её осмысливать, делать выводы. Боялась пиявок стыда? Да было бы чего стыдиться, подумаешь, клубились мысли в её голове. Перепорхнула же пропасть. А после пропасти были почти шестьдесят лет самоотверженного служения семье. Всё забыто, проценты по кредиту выплачены с лихвой. И сегодняшний юбилей – как результат. И вихрь, казалось бы, улёгся. Все заботы теперь только о Стасике. Как долго мы его ждали. Какой же всё-таки он у нас молодец.

Однако добрая заклятая подруга успела за неполную минуту молчания заскучать и хотела вернуть разговор в прежнее русло.

– Знакомая у него фамилия. Он тоже из наших был? – Под словом «наши» она имела в виду круг золотой мажорной молодёжи, к которому когда-то они принадлежали обе.

Старшая львица посмотрела на младшую с укором.

– Ты что, девк? Он круче наших был раз в десять. Пока его папашу Андропов не слил.

Гостью озарило догадкой и, округлив глаза, она закрыла рот ладонью.

– Менты ему на Яшке честь отдавали, – и, понимая, что подруга всё равно переспросит, расшифровала: – Может, помнишь, у метро «Площадь Революции» стоял памятник Якову Свердлову? Там была всесоюзная тусовка неформального молодняка. Её-то Яшкой и прозвали.

– А с другой стороны «Метрополь», да? Помню, помню.

– На Яшке мы и познакомились. Я в тот день первый раз без предупреждения не вернулась домой ночевать. Отметили день рождения двоюродной сестрёнки. Ей восемнадцать стукнуло. Как приехали из Переделкина, так сразу от предков и слиняли. Сестра успела в сумку сунуть бутылку мускатного вина. Но сразу сказала, смеясь: «Это для взрослых».

– А тебе сколько было в тот день? – уточнила готовая опять залиться хохотом подруга. И брови у неё встали домиком, и подбородок затрясся. – Сколько?

– В шесть раз меньше, чем сегодня.

Восемь секунд на подсчёты потратила та львица, что была моложе. Не веря в полученный результат, пересчитала и... Хохота у старушки не получилось. Заливалась, чем могла. Слезы вытирала платком без монограмм. Плечи тряслись, как в припадке. Насилу успокоилась.

– Подумать только! Пятнадцать лет! Это же надо! Хиии... Хиии... Меня на целый год позже и не спонтанно, а с понтами. Цветы, подарки

дали. В «Прагу», в «Арбат», в «Арагви» без очереди водили. На папиной «Волге» катали...

– Замуж взять обещали, – не выдержав, передразнила подружку бабушка Маша. Ей надоел такой тон. Она уже стала подыскивать слова, чтобы заткнуть второй старой львице рот, как услышала:

– Очень надо мне это было. В шестнадцать-то лет. Я тогда уже поняла, что всегда успею кого-нибудь осчастливить. И я копалась, выбирала.

Теперь понимающая улыбка коснулась губ старшей львицы. Что-то припомнилось.

– Ах, милочка, я тоже думала, что выберу сама, – продолжила она примирительно, – и что рулить процессом буду сама, на всех этапах. Пока он не привёл меня в то утро в один подъезд, до входа на чердак изрисованный чертями и ведьмами на мётлах, исписанный пророчествами и проклятьями, с потухшими свечами на подоконниках. «Да отрежут лгуну его гнусный язык!» – показал он мне на надпись, и от себя добавил: «Никогда не лги».

«Так, так, так. Хорошее было начало, – думала притихшая младшая львица, – как бомжишку, в подъезде!» А вслух добавила:

– Помню, помню. Тогда таких подъездов, открытых настезь, сколько хочешь было, – и добавила про себя: «Саму водили. Хи... хи... хи...» – В центре где-нибудь?

– Рядом с Театром сатиры, на Садовом кольце.

И первый раз за всю историю их дружбы Мария Павловна не сдержалась и без обиняков посмотрела на свою подругу Свету как на законченную дуру.

Света, не понимая чем его заслужила, проглотила этот взгляд, ничего не выясняя, но огрызнулась. С лицемерной улыбочкой сочувственно спросила:

– Дефлорировал?

Очень ей нравилось это слово.

Чтоб скрыть румянец, так не свойственный красавицам в годах, именинница закрыла ладонями лицо. Она жалела, что разговор коснулся такой интимной темы, но почему-то сказала правду.

– Ну, не совсем.

И констатируя своим жестом «что было – то было», она отняла от лица ладони и, улыбаясь уголками рта вниз, блуждала взглядом по простору пентхауса.

У бабушки Светы, как называли младшую львицу её правнучки, глаза блеснули бессовестной догадкой, которую, конечно же, не стоило озвучивать в приличной компании, но маленькая рептилия такого молчания никогда бы ей не простила. Изгрызла бы потом. И бабушка Света разжала свои белоснежные челюсти и, просунув между ними свой бескостный язык, вдавила его изнутри в левую щёку и сделала им пару движений, и взглядом спросила у бабушки Маши: так?

* * *

– Так, – сказал младший лейтенант милиции, открывая паспорт девятнадцатилетней гражданки Марии Валадовой.

Её уже несколько раз задерживали органы правопорядка, но так далеко от Москвы ещё не случалось. В Ленинграде рядовому составу милиции её фамилия была совсем неизвестна, и поэтому дело могло кончиться весьма печально для её отца. Оргвыводы последовали бы

незамедлительно, даже после простого упоминания её имени в сводках. Тем более что в этот раз это было не просто нарушение общественного порядка или тунеядство, а покушение на валютное мошенничество. Уже год как она бросила архитектурный институт и под псевдонимом Маруся то с одним бойфрендом, то с другим кочевала с флэта на флэт. С последним они добрались до Питера ради концертов Майка Науменко. Ничего особенного, казалось бы. Такая жизнь была тогда не в диковинку. Хотели сбежать хоть на пару-другую дней от скуки, от серости, как тогда говорили, от вездесущей «смури». Побесились бы в рок-клубе пару вечеров и обратно в Москву, но после первого же концерта в толчее покидающих зал она увидела вдруг ироничные глаза своего условно первого. В Питер он перебрался почти сразу после отставки отца и приобрёл там новое имя Освальд.

Ближе к полуночи компания из семи молодых людей кормила комаров, расположившись вокруг костра на пригородном дачном участке одного из них. Звенели гитары. Батарейки в магнитофоне старались экономить. В костре пеклась картошка. Много пели. Открыли уже третью бутылку молдавского портвейна. На языке танцев пытались нецензурно самовыражаться.

Четверо молодых людей, в том числе и Освальд, были длинноволосые. Бойфренд Маруси чувствовал себя рядом с ними неловко, хотя и знал все песни, что они пели. Вторая девушка на этой вечеринке была, как и длинноволосые парни, тоже из Питера. Голос у неё был отлично поставлен. Не меньше трёх раз на хорошем английском она исполнила арию Марии Магдалины. Маруся чуть не расплакалась и, чтобы Москва не ударила перед Питером в грязь лицом, попросила музыкантов подыграть ей «Бессаме мучо». Получилась какая-то цыганщина, не справились гитаристы. Но все были в диком восторге, а Освальд просто открыл рот.

– Я и забыл, что ты испанка! – хлопнул он себя по лбу.

Мария Литисия Валадо – такой должна была бы быть транскрипция её ФИО, если бы в Ивановском детском доме ещё в 1939 году маленькому черноглазому Паблику, сиротке из Барселоны, не выправили советские документы и не добавили к его фамилии одну букву. Его родители, испанские (не каталонские) коммунисты, пропали без вести на полях гражданской войны, и его эвакуировали с другими детьми в Советский Союз. И когда в шестидесятые годы один за другим его друзья-соплеменники стали получать весточки с родины и уезжать, Павел Игнатьевич Валадов, уже капитан советской милиции с хорошими перспективами, молил неизвестного ему бога излить на головы родственников ушат забвения. И бог ему внял. Ни с кем объясняться не пришлось. Ностальгия по родине овладевала его сердцем только во сне. И он опять говорил по-испански, опять ел виноград, опять любовался корридой, которую успел увидеть всего один только раз. С треском будильника или с командой «Подъём!» пещерный патриотизм испарялся.

Неизвестный ему бог долго не давал ему жены, потом долго не давал детей, так что Мария стала поздним ребёнком, на которого обрушилась осмысленная, в уме не раз отрепетированная любовь родителей, уже не чаявших такого счастья. Мама и папа твёрдо знали, какой Машенька должна стать и что ей для этого надо. К тому моменту, когда на плечах Павла Игнатьевича зазолотились генеральские погоны, Мария на пианино играла Шопена, занималась в балетной студии, а главное, самое важное для папы, говорила по-испански, как жительница Сарагосы.

До гормонального взрыва, редко кем переживаемого безболезненно, оставалось два года. Только её учителя и её родители знали реальную цену пятёркам в её аттестате о среднем образовании.

Четвёртая бутылка портвейна показалась Марусе намного крепче предыдущих, и она уже не делала больших глотков и не тянула свою кружку к струе наслаждения. Утром, когда всех участников импровизированного загородного пати, кроме неё и Освальда, будут мучить дикие головные боли, она увидит немного в стороне под кустом чёрной смородины пустую стеклянную тару с этикеткой: «Спирт питьевой этиловый “Арктика” 97 % об.». И сразу поймёт, в чём причина столь плачевного состояния её товарищей по счастью. А пока она вместе со всеми смеялась над рассказом Освальда.

– Мой дорогой фатер в восьмидесятом году, чтобы не потерять меня из виду... – и Освальд, зажмурившись, помотал головой, глубоко выдохнул и отставил свою кружку подальше. – Это было, когда весь пипл вместе со всей алкотой, с фарцовщиками и другим неблагонадёжным элементом, позорящим Страну Советов, выселяли за сто первый километр. Олимпиада.

Освальд обернулся к Марусе и подмигнул ей.

– Спустя неделю после нашего знакомства.

Даже будучи пьяненькой, Мария зарделась. Она очень надеялась, что тени ночи и блики костра скроют её румянец. И вместе со всеми продолжала слушать и улыбаться. Освальд продолжил:

– Чтобы не выселять меня вместе со всей босотой из Москвы, папаша сдал меня как буйного в Кащенко на всё лето. В отдельную палату с решётками на окнах и с двумя солдатами у двери. Но я не из тех, кто лыком шит. Через неделю уже мы играли целыми днями с солдатиками в карты. Проигравший должен был принести бутылку. И странное дело, несмотря на то что в любом случае деньги давал бы я, проигрывали только они. Потом я стал их просвещать. Один служивый съездил к моей маме с запиской от меня, и она втайне от отца передала ему мой двухкассетник. Я просто сносил им крышу Van der Graaf Generator’ом и Yes’ом. Под карты и вино они ещё терпели, а без карт вешались. Врачи заглядывали ко мне редко. Не чаще раза в день. Они же знали, почему я там был. Кончился тот отдых тем, что однажды я напоил тех вояк портвейном со снотворным и переоделся в одного из них.

И сразу же кто-то из волосатиков у костра, предугадывая продолжение, с восторгом и недоверием спросил:

– А хайры (волосы. – *авт.*)?

Освальд не ждал такого вопроса, но нашёлся быстро:

– Так я почти лысый тогда был. Месяцем раньше меня кришнаиты травой обдули и, пока я спал, под своего побрили, черти.

Как ни старалась Маруся, но в её памяти тем летом Олег (он же Ольгерд, а теперь Освальд) был с такой же причёской, что и сейчас. Удивительно, но это обстоятельство только подстегнуло вспыхнувшее в ней влечение к нему.

– Оказавшись на свободе, я был в шоке. Все тусовки пусты. На Яшке и на Гоголях одни негры. Хиппи будто вымерли все. Ни одной знакомой мочалки найти не мог. На каждом перекрёстке менты. Хорошо, думаю, комитетчики поработали. К матери идти не хотел, к одноклассникам в том виде, в каком был, не мог. Прайсов ноль (по-русски это будет «денег ни копыя». – *авт.*) Жрать охота. И я еще постоянно забывал, что в форме. Ходил без пилотки, руки в карманы. А патрулей тоже хватало.

Когда Освальд рассказывал, как рядом с телефонами-автоматами стрелял двухкопеечные монеты у закончивших разговор обывателей и сигареты у случайных прохожих, компания дружно взрывалась хохотом. Ему это явно льстило, и его несло дальше. «Андерсеном надо было тебя назвать», – влюблённо думала о нём Мария и смеялась вместе со всеми. Не смеялся только бойфренд Маруси, он давно уже спал.

– Задавая себе вопрос, зачем я сбежал из психушки, дрожащий от страха, голодный и невыспавшийся, я улёгся, наконец, на каком-то чердаке и думал, что завтра обязательно эмигрирую из Москвы автостопом куда-нибудь, хоть в Питер, хоть в Киев, хоть в Горький, хоть в Минск. Только бы из столицы выбраться.

В шесть часов утра над телом переоблачённого Ольгерда собралось больше сотни сизых голубей и, сговорившись, они все одновременно ударили крыльями.

– Как будто бомба взорвалась! Я вскочил и вместе с голубями заметался по чердаку, забыв, где выход. Пилотку потерял. Насилу выбрался.

Четвёртая бутылка была опустошена. Кто-то предложил не торопиться с открытием пятой. До утра ещё далеко. Все согласились, и на углях костра появился выдавший виды старый чайник.

– Как у Ленина в Разливе.

Когда не заснувшие участники вечера взяли в руки клубящиеся паром кружки со свежезаваренным чифиром, Освальд закончил свою историю.

– Уже на улице я вспомнил, что и в Питере, и в Минске, и в Киеве проходят матчи олимпийского турнира по футболу. Там будут такие же напряги, как и в Москве. И мне оставался только Горький. Там у меня был один старый добрый приятель, и адрес которого, и телефон я помнил хорошо. И я бы точно скоро с ним увиделся, если бы не поленился добраться до шоссе Энтузиастов пешком. Чёрт понёс меня в метро. Думал по-хорошему уговорить тётку у турникета пропустить меня к поездам. Из увольненья, мол, опаздываю, а денег нет. Она пропустила, но уже на эскалаторе у меня спросили документы два стрёмных мента.

Маруся весь пикник не сводила глаз с Олега. Он был старше всех в той компании. Красивее и интересней всех. Породистей. Манернее. Даже сквозь хиппанский прикид было видно, что он мажор. Естественно, что и музыку он заказывал, и разливом командовал. И початые бутылки непонятно для чего аккуратно складывал у себя за спиной. Отлучался от костра редко, зачем-то ходил пару раз в дачный домик. Последний раз, когда он встал у костра, пипл затянул песню про то, что папирос нет и огня нет, и никто не заметил, что Освальд захватил с собой пустую бутылку. И только Маруся обратила внимание, что вернулся он с двумя полными бутылками молдавского портвейна. Хотя по счёту их должна была остаться одна. Суть фокуса Маруся поймёт утром. А пока что ночной сумрак и тёмно-зелёное бутылочное стекло надёжно мешали пиплу разглядеть, что портвейн достаточно сильно попрозрачнел.

– А если дождь? Как мы все поместимся в этой хижине? – спросил как бы сам у себя Освальд, присаживаясь вплотную к Марусе. И озабоченно вздохнул.

И снова стучали железные кружки, но никто уже не задумывался, почему портвейн стал так крепок. Всеобщее опьянение нивелировало вкус. Освальд не скрывал своего удивления тем, что Маруся ещё держится на ногах. К первым петухам, кроме них, все лежали в лёжку. Только теперь Освальд включил магнитофон. Маруся с усмешкой спросила:

– А что ожидало тех солдатиков, твоих конвоиров?

Освальд расплылся, пожимая плечами.

– Наверное, дисбат.

Ему нисколько не было жаль этих персонажей своего устного творчества.

– У меня к тебе есть дело, Муся. Вы когда в Москву возвращаетесь?

Неправильно понимая его, Маруся с готовностью положила свою голову ему на плечо, а узкую ладонь ему на колено. Освальд брезгливо покосился на её похрапывающего бойфренда, а потом обвёл глазами дачный участочек и почесал свою лохматую голову. На горизонте блеснула зарница, и в руках Олега со странным акцентом хрустнула толстая сосновая ветка, которую он всю ночь не выпускал из своих пальцев.

– Я помню, ты хвасталась, что владеешь испанским почти как жительница Сарагосы.

И Освальд только чуть её приобнял. Без намёка. На случай, если бойфренд неожиданно проснётся.

– *Hablo español, mejor que una española**, – не без гордости ответила Муся и смело, не то что четыре года назад, коснулась губами его шеи.

Между тем в лицо им пахнуло свежим ветром и запахами приближающейся грозы. В посветлевшем небе рыскали молнии. На чердак домика можно было попасть только снаружи, по прибитой к его торцу лестнице.

* * *

События грядущего дня в памяти Марии Павловны надолго обесценят её воспоминания о событиях того утра. Она почти их забудет. Но однажды, в самом неподходящем месте они холодным душем выльются ей на голову. Казалось бы, давно выцветшие воспоминания крепко сожмут её горло в одну из первых пасхальных ночей, которую патриарх Московский проводил не в Елоховском соборе, а в восстановленном недавно Храме Христа Спасителя, когда в одном из истово молящихся вальяжных прихожан она признает Олега. Это случится нескоро, не меньше чем через двенадцать лет, а пока на питерской даче наступало прохладное и мокрое, хоть выжимай, утро. Пипл болел. Костёр не хотел разгораться. Бледные волосатые сомнамбулы кутались в старые пиджаки и пальто хозяев и на непонятном языке молили Небо о горячем крепком чае, понимая, что молить о чём-то большем будет кошунством. Гитары, пережившие ту ночь под открытым небом, звучать отказывались. Бойфренд Маруси, более живой, чем другие свидетели происходящего, как пришёл в себя, обежал участок, заглянул на чердак и чуть ли не с кулаками бросился к Освальду:

– Где Маруся?

Освальд показал пальцем на входящих в калитку Марусю и Лену с сухими дровами в руках.

– Добытчицы, – усмехнулся Освальд.

Бойфренд успокоился и принял деятельное участие в разведении огня. Только у него нашлись сухие спички. Закончив с чаепитием к одиннадцати часам, пипл достал из карманов последние копейки и на старом велосипеде отправили одного из своих, кажется, Веню, в ближайшее сельпо.

Освальд стал нервничать.

---

* Я говорю по-испански, лучше, чем испанка (*исп.*).

– Я с фирмачами стрелки забил на шесть вечера у Казанского собора. Столько сил приложил, столько изобретательности. И что теперь, всё коту под хвост? Здесь, похоже, всё затягивается. Нет, нет, нет. Надо выбираться.

Он стал прощаться с другими волосатиками, а Марусе сказал:

– Ты могла бы мне очень помочь. Фирмачи испанцы. Поехали со мной, не пожалеешь. Решай быстрее, электричка через полчаса.

Не поднимая глаз, Маруся одним глотком, одной затяжкой всосала остатки чифира и встала на ноги. Не скрывая раздражения, её молодой человек встал рядом с ней. А куда ему было деваться? Он был младшим сыном простого профессора МГУ, и Маруся, можно сказать, была его кошельком. Он никогда бы не решился, как настоящие «индейцы асфальтовых прерий» тусить по всей стране без полущки в кармане.

У Лены, ночной исполнительницы арии Марии Магдалины, нашлась расчёска. Обменявшись хайратниками и записав свой телефон в блокнот новой сестрёнки, девочки, целуясь, повисли друг у друга на шее.

– Айда уже! – скомандовал Освальд. – Развели телячьи нежности.

Три пары одинаковых китайских кед по просёлочной дороге заторопились к полустанку.

– Где-где, – смеялся Освальд, – в «Сайгоне», конечно. Я там Цоя ждал, а он в тот вечер молился Бахусу в своей кочегарке. И тут эти интуристы. Ола-ола. Эспаноло туристо. Хороший кофе. Достоевский. Кое-как разговорились. Чуть старше меня ребята. Франко, говорят, плохой. Брежнев хороший. Ленин жив.

Услышав про Цоя, Маруся улыбнулась. А её бойфренд, похоже, поверил. Челюсть у него отвисла.

Потом, уже в электричке, Освальд описал ту роль, которую надо будет сыграть Мусе. Никто, кроме Освальда, не называл прежде Марусю Мусей. У неё аж сердце теперь сжималось.

– У меня с одним из них серьёзный разговор будет. А ты займи на полчаса остальных. Поводи их окрест, расскажи, что знаешь о Кутузове, о Барклае. Сможешь?

Маруся даже не заинтересовалась, о чём будет серьёзный разговор с одним из испанцев. Она поверить не могла такому счастью: ещё один вечер она сможет быть полезной Олегу. Он сразу увидел в её глазах отблески этого счастья и не стал посвящать её в детали. Если бы рядом с Марусей не сидел её насупившийся молодой человек, Освальд провёл бы своей ладонью по её волосам.

– Вот и отлично. Сейчас ко мне на флэт. Душ, закуска, может, ещё часок вздремнём. И к 18:00 к Казанскому собору. Сделаем дело, и я вас на поезд посажу, а может, и сам с вами уеду.

В «Сайгоне», в самый разгар обмена эмоциями с гражданами капстраны (с фирмачами), Освальд заметил устремлённый на него цепкий взгляд какого-то с иголочки разодетого франта, стилиаги. Чувак явно был или успешным барыгой, или очень успешным фарцовщиком. Таких котлов (часов), такого количества фирменных шмоток Освальд не видел даже на представителях своего класса, на мажорах. Одним словом, криминалом от него несло на весь Невский проспект. Когда Освальд сказал испанцам: «Пойду отолью», этот красавчик сразу последовал за ним.

Для объективности надо упомянуть, что у Освальда у самого в голове уже крутились мысли, как бы пожить с этих амиго. Но как для потомственного мажора деньги для него никогда, даже сейчас, проблемой не были. Ему хотелось куража, чтобы было что рассказать

у следующего костра. Он думал выщиганить у гишпанцев какой-нибудь сувенир, журнал «Роллинг Стоун», или «Плейбой», или пару кассет, может, пластинок, или кроссовки у Алехандро выменять на икру. Реальным обогащением Освальд не грезил.

– Демократы? – услышал Освальд у себя за спиной, и его струю повело мимо писсуара. («Демократами» называли туристов из соц-стран. – *авт.*)

Не оборачиваясь, Освальд с гонором ответил стилияге:

– Да ладно. Фирмачи. Испанцы.

То, что предложил красавчик, так торкнуло Освальда, что он не знал, в каких единицах измерять тот драйв, что словил. То ли в джоулях, то ли в кюри. И он повёлся.

– Ты для начала представь меня им как доброго друга. Надо разобраться, какого они полёта, есть ли у них деньги вообще.

Из туалетной комнаты молодые люди вышли обнявшись, так они разыграли перед испанцами счастливую встречу старых друзей.

– Серж! – представил стилиягу Освальд, подойдя к интуристам. – Мой вьехо амиго! (Старый друг.)

Испанцы с горем пополам говорили по-английски. Серж говорил хорошо. Так что общий язык они кое-как нашли. Когда двое испанцев захотели покинуть честную компанию раньше других, Освальд и Серж убедились, что с наличной ликвидностью у них некоторые затруднения. Буфетчик никак не хотел принимать их песеты к оплате, а инвалютных рублей (чеков), которые им наменяли при пересечении границы в аэропорту Пулково, им не хватало.

– Человек! – поманил буфетчика к себе Серж. – Проблемы?

Серж с заметным удовольствием доплатил за интуристов целых три рубля. И они бросились к нему с благодарностями. Особенно усердствовал Алехандро, с которым Серж скоро уединится за отдельным столиком. Чуть позже, проведив иностранцев до стоянки такси, стилияга скажет Освальду:

– А ведь я и правда Серж. Как ты угадал? – и рассмеётся: – Спасибо за наводку, друг. Я так и думал. У них большие сложности с нашей наличкой. В первые дни профукали все чеки на сувениры, теперь палец сосут. А им ещё неделю здесь тусить. Надо действовать.

Освальд и не отказывался. План был следующим. Серж, выслушав жалобы Алехандро на странную экономическую политику в СССР, предложил ему поменять валюту на деревянные советские рубли. Вот тебе, Санчо, и водка, и икра, и матрёшки. Делов-то. Но с оговоркой. Песеты не катят, слишком низкий курс. Если и возьму, то один к одному. Доллары возьму один к четырём с полтиной. Марки один к трём. Франки один к двум.

– Завтра у меня стрелка с ним в Петергофе, там всё и уточним. Скажет, сколько они соберут со своих, я пересчитаю эту цифру в рубли, и если ударим по рукам, то дальше действовать тебе. Готов?

– Естественно.

– Двадцать процентов навару твои.

– А что делать-то?

Серж сел на лавочку со спинкой, развалился и, продолжая лыбиться, мерил Освальда взглядом.

– Ты понимаешь, пипл, что ты мне в принципе дальше не нужен? Все ниточки у меня в руках. Я тебе из чистого альтруизма даю подработать.

В устах Сержа, слово «пипл» звучало пренебрежительной издёвкой.

– Понимаю, – ответил Освальд, глазами вперившись в асфальт.

– Я с этим Алехандро сейчас в «Сайгоне» засветился за столиком. Завтра засвечусь с ним в Петергофе. И если менты или гэбэшники будут кого-то пасти, то вернее всего меня. А я после завтрашней стрелки буду дома сидеть. А бабки на обмен мучачам ты понесёшь, – и театрально зевнув, Серж добавил: – Или мне ещё кого искать?

Освальд приуныл.

– Я бы на твоём месте не отказывался. Чревато.

Освальд услышал угрозу, собрался с духом и сказал:

– Лады.

Серж, видя настроение собеседника, заржал во весь голос.

– Что ты пригорюнился, как поп на поминках? Я всего лишь себе цену набиваю, неужели не понятно? Да таких интуристов, как этот Алехандро, по Ленинграду сотен пять-шесть шарится, а таких, как мы с тобой, тысяч пять-шесть. За всеми мусорам не уследить. Я эту пьесу седьмой раз ставлю. И каждый раз с оглушительным успехом. Не ссы. Завтра вечером, когда станет ясно, чем мы мучачам обязаны, мой бегунок принесёт тебе сумку с нужной суммой и записочку с указанием, где и когда забиты стрелки с Алехандро. Он охотнее будет говорить с тем, кого знает в лицо. За мной могут следить. Значит, пойдёшь ты. Покажешь ему, что пачки денег не кукольные. Оглядывайся почаще. Держи его в напряжении. Когда поменяетесь сумками, их деньги не пересчитывай. Буржуа люди приличные, обманывать не будут. Попрощайся и сразу на вокзал. Там сдашь сумку в камеру хранения, вот на этот номерок, вот с этим паролем. Бумажку потом проглоти, от греха. Ничего сложного.

– Я всё понял.

Записку и сумку бегунок принёс следующей полночью. До стрелок с Алехандро оставалось ещё почти двое суток, амиги не торопились, и Освальд решил провести это время с пользой, вечером намылился в рок-клуб. Но уже утром, в шесть часов, его посетила крысиная мысль: а не дёрнуть ли мне с этими бабками? И он открыл сумку.

– Это что, мля, такое? – кричал он в трубку домашнего телефона, набрав номер, который дал ему Серж на самый крайний, самый пожарный случай.

– Я ждал, – сказал в ответ Серж, – клади трубку, я сейчас из автомата перезвоню.

Освальда трясло, как припадочного. От негодования зуб на зуб не попадал. «Связался с уголовщиной! Какого чёрта!» – клял он себя. Скоро телефон зазвонил.

– А ты что думал, придурок, я этим лохам настоящие рубли отдам? Нет, дружок. Я хочу пить шампанское, а не «Жигулёвское». Это генеральским детям всё на блюдечке с голубой каёмочкой, а нам надо самим выгрызть у судьбы крохи своего счастья, пока зубы есть. Короче, если не хочешь виском на поребрик упасть, делай всё как договорились. Какие там деньги: болгарские, юговские?

– Югославские динары, – отвечал напуганный и пристыженный Освальд.

– Ну и что ты ссышь? Размер такой же, цветовая гамма такая же, кириллица, серп и молот, пятиконечные звёзды. Чё им ещё надо? Они наших денег в руках не держали, в глаза не видели, читать по-русски не умеют, они и по-английски-то хуже меня разговаривают, нам в спину будут плевать, если мы их не обуем. Они же непуганые идиоты. Надо внести ясность.

Серж, как бешеный волк, скрипел зубами.

– Не звони мне больше, делай всё как договорились. На вокзале за тобой мой человечек проследит. Уехать с валютой не даст, учти.

– Как мне свою долю забрать?

– Вот это другой разговор. Там будут 300 немецких марок. Можешь их себе забрать. Только не лоханись, когда менять будешь, фраер.

Освальд долго не мог прийти в себя. Никогда ещё ему не приходилось сталкиваться с параллельным миром в реальности. Его как будто фейсом ткнули в кирпичную стену, указали ему его место в иерархии божьих тварей.

После 11:00 он поплёлся в гастроном, где его ждала маленькая, но такая нужная сейчас удача. За спиной продавщицы он увидел на полке «Арктику» – спирт питьевой этиловый 97 % об. В свободной продаже большая редкость. И Освальд взял его на потом, а на сейчас взял «мужика в шляпе», молдавский портвейн.

От себя хотел сказать, что многие из бывших хиппи, а тем более из просто прихипплённых, для придания своей молодости романтического ореола, сейчас, в XXI веке, любят вспоминать о их героическом противостоянии репрессивной машине под страшной аббревиатурой КГБ. Поверьте мне как человеку, прошедшему то же горнило, плевать на нас хотели комитетчики с Останкинской телебашни. У них были дела поважнее. А вот сотрудники ОБХСС (наверное, сейчас их можно сравнить с налоговиками или с ОБЭП) следили за нами пристально и видели в нас спекулянтов, фарцовщиков, валютчиков, скупщиков краденого, живущих на нетрудовые доходы, то есть классовых врагов. Если комитетчики и говорили с кем-то из актёров того спектакля, то только с испанцами. Всё, что касалось иностранцев, и правда было в компетенции КГБ. А с нашими гражданами разбирались сотрудники МВД.

Вот такие служители Фемиды и скрутили в колоннаде у Казанского собора волосатого молодого человека при попытке совершения незаконной валютной сделки. Освальд действительно оставался в тени, следили оперативники за Сержем и за Алехандро, и его появление вызвало даже некоторое замешательство, но буквально на минуту, не больше. Приняли мусора и Марию Валадову, а за её бойфрендом пришлось побегать. Он, когда увидел людей в штатском, одних подбирающихся к Марусе, других к Освальду, хотел изобразить сначала эпилептический припадок с громкими криками, чтобы хоть как-то предупредить любимую. Ведь бойфренду давно было ясно, что дело нечисто и развязка близка. Но он не смог. Когда увидел, что на Освальда надели наручники, к Освальду он стоял ближе, он втянул голову в плечи и утёк.

Наверное, над этим рассказом можно было бы и посмеяться, он действительно и забавный, и пикантный, и романтический, и поучительный. Можно было бы, если бы статья о валютных махинациях не была в Советском Союзе подрасстрельной.

Отца Марии, можно сказать, адъютант поднял в пятом часу утра с больничной койки. Тот проходил обследование в госпитале министерства. За отцом Олега благодарные бывшие подчинённые отправили самолёт в Пицунду. Изменить вектор движения грозового фронта можно было не позднее двенадцати часов дня по Москве. И одному семейству это удалось, а другому не очень. К следующему полудню Мария Валадова фигурировала в уголовном деле уже как свидетель. Олег же остался в Крестах. Через месяц на суде ему впаяют, с учётом смягчающих обстоятельств, двенадцать лет строгого режима. Но судьба и теперь

не оставит его своей милостью, и уже через полгода очередная всесоюзная амнистия, зачастили они в те годы, дарует ему свободу. Опять же благодарные бывшие подчинённые его отца не прохлопали, не упустили такого случая. Вообще, его статья только отчасти подпадала под амнистию, так что любое должностное лицо, готовое спорить с замминистра, а в те времена ещё встречались такие, могло оставить его за решёткой.

С тех самых пор и до 38 лет Олегу даже в голову не приходило отращивать длинные волосы.

Мария Павловна хотела и обо всём этом рассказать старой подруге, но удержалась. Сочла этот эпизод в общей канве рассказа малозначительным, неинтересным и для желудка Светы несъедобным. Гарантированно не переварит. Таким образом, Мария Павловна решила не портить свою репутацию, а сразу перейти к следующей встрече с Олегом.

* * *

Переход от плотоядного периода в жизни Марии Валадовой к вегетарианскому произошёл достаточно резко. Случилось это в середине 90-х. Уже пять лет они были закадычными подругами со Светой. Пять лет на пару блистали в самых дорогих и не самых безопасных злочных местах столицы. Их косых взглядов старались избегать не только жадная до крови криминальная шантрапа, но и те, кого с лёгкой руки Солженицына в ближайшее время станут именовать «олигархами».

У отца одной из них, несмотря на его почти семьдесят, повсеместный дух тления вызвал такие амбиции и подсказал ему такой план действий, что за достаточно короткий отрезок времени все структурные подразделения МВД Москвы и области превратились в единый безотказный коммерческий комбайн. Отец второй взвился выше, хотя и был значительно моложе. Его уборочные машины жали общероссийскую ниву. Их можно было бы назвать коллегами и даже единомышленниками, столь схожи были их инженерные решения и устремления, если бы они мыслили в рамках одной конторы, а не в конкурирующих фирмах. Чудом на тот момент их интересы по-бараньи не столкнулись утром рано на каком-нибудь столичном мосту. Тогда бы стало ясно, какова цена дружбы их дочерей.

Незримые, но вездесущие охранники девочек один только раз на открытии «Балчуг Кемпински» повздорили друг с другом, оспаривая право захоронить ещё живое тело залётного кузбасского криминального авторитета, наивно посчитавшего Свету и Машу легкодоступным женским мясом. А девочки, как и в добром десятке подобных случаев, ни сном ни духом, куда делся тот хам, что вознамерился, по словам Маши, ещё не забывшей испанский, прыгнуть «из своры в сеньоры».

По количеству разбитых сердец лидировала Маша. По количеству же разбитых семей и обездоленных сирот первенство оставалось за Светой. Старшей львице было достаточно, не отрываясь от нового жезла, увидеть в глазах вчера только допущенного к трону фаворита крушение его воздушных замков. Услышать взрывы его хрустально-хрупких шарантских кубов, дистиллировавших мутные потоки его чувств и желаний (восхищения, похоти, ревности, пажеского пыла) в самый чистый, самый прозрачный, в лучах восходящего солнца самый радужный дождь целебного и животворящего спиритус вини.

В какую утончённую, нечеловеческую, чернокрылую эйфорию Мария впадала при этом, словами не передать.

Развлечения Светы в те годы не были столь гуманны. Как истинная дочь своего времени она гналась за деньгами. Ещё на втором курсе МХТИ, отрепетировав технологию порабощения мужчин на своих преподавателях, заслуженных и признанных светилах, она с одного за другим начнёт безжалостно срывать венцы добропорядочности и бронжилеты благосостояния и расплачиваться этими трофеями в ночных клубах с барменами, со стриптизёрами, с официантами. Впоследствии, достигнув вершин своего мастерства, она целую вереницу баснословно богатых Гермесов превратит в неутомимых Сизифов, которые из кожи будут лезть, пытаясь вознести на Олимп свою нимфу, но тщетно. Её ступа не заводилась.

Вот так год за годом девочки и будут жить необычайно успешным и равнодушным только к наслаждениям тандемом. Дополняя друг друга, меняясь мётлами, вынюхивая друг другу новые жертвы и закатывая глаза, чувствуя послевкусие жертв предыдущих. И в каком бы клубе им ни приходилось выходить на танцпол, они всегда танцевали свои нескромные танцы спина к спине. Когда Маша узнала, что один из вышеупомянутых Гермесов, схватившись было за голову в минуту просветления, имел неосторожность потребовать от Светы вернуть ему маленький островок в Карибском бассейне, то из уважения к тому Гермесу, попросила у бармена налить ей пятидесятилетнего виски доверху и, подняв свой рокс, сказала:

– За него, не чокаясь.

Те, кто услышал, подумали, что это злая шутка.

Бармен, игравший роль наивного и простосердечного провинциала, допустим, калужанина, приехавшего в столицу подзаработать денег, до самого утра в свободные минуты будет смаковать недопитый из того рокса виски и думать: «Какой дьявол дёрнул меня разбодяжить его с тридцатилетним?» Желтомордый чёрт только усмехнётся.

А тремя днями спустя в деловых новостях сообщили, что алмазному рынку угрожает серьёзный кризис, что на биржах паника. Прошлым вечером над Бермудским треугольником, а от Карибских островов его рукой достать, с экрана радара бесследно исчез самолёт российского кимберлитового короля.

Света оценила поступок своей подруги и, пустив слезу у неё на плече, сказала:

– Если бы ты знала, как я тебе благодарна. Мне самой гораздо легче было бы всё это устроить, но ведь я его... Одним словом, спасибо, что избавила меня от необходимости убивать любимого. Клянусь, что больше тебе не придётся так поступать, потому что больше у меня любимых не будет.

Обе подруги давненько уже так не напивались, как в тот вечер. Когда их ангелы-охранники выносили их из закрытого клуба для избранных и развозили по домам, гражданская жена кимберлитового короля и ещё одна женщина в Ростове-на-Дону совали свои шеи в петли. У каждой дети, у каждой никаких прав на наследство, долги и обязательства перед любовниками, фальшивые, как оказалось, бриллианты, спорные документы на собственность и рухнувшие надежды на достойную и далёкую старость. Не подозревая друг о друге, они обе знали о Свете, обе сыпали проклятиями на её голову, обе грызли своего сероглазого короля, не зная другой терапии сердечных заболеваний. И, как и следовало ожидать, у обеих ничего не вышло с самоубийством. Не хватило духа.

– Блаженны нищие духом, – звенел голос дьякона в храме. И одна из тех женщин, искренне сокрушаясь, ответствовала его возгласу: – Ей, Господи!

Те, кто живёт у кромки, знают, что бывают на море штормы, бывают штиты, каждый день видят приливы и отливы и каждый день молятся, чтобы никогда в жизни им не увидеть цунами. Ни Маша, ни Света не верили в силу молитв, и неудивительно, что однажды это стихийное бедствие застало их врасплох. Азамат, так похожий на щенка афганской борзой, был интересен и, казалось, отвечал излюбленным целям обеих. Они даже чуть не повздорили из-за него. Их протоконфликт не остался незамеченным и их ангелами. И, к сожалению, в тесном взаимодействии двух клиньев охраны случилась трещина, и каждая группа сосредоточилась только на своей подопечной. Я точно не знаю, но, скорее всего, именно из-за этого, когда Маша решила форсировать события и без подготовки ткнуть Азамата мордой в говно, её хранители уже сутки как оставались без средств удалённого наблюдения и без спецсредств по предотвращению возможных неприятностей.

В результате Маша больше тридцати часов оставалась в заложницах, а потом больше двух месяцев в лучшей швейцарской клинике, известной своими успехами в области регенерации детородной функции женского организма. При первом же посещении подруги, примерно через неделю, Света ей скажет:

– Я разговаривала с врачами, всё будет хорошо. Ты ещё легко отделалась.

Света имела шапочное знакомство с Татьяной Дьяченко и на одном из светских раутов в том же году привела её в высшую степень негодования своим рассказом о злоключениях самой близкой подруги. Будучи блондинкой, Света долгое время будет считать, что эта история стала последней каплей, толкнувшей президента идти на Грозный.

Азамат, превратившийся из борзого щенка во взрослого гиеноподобного пса, необъяснимым образом эмигрирует прямо из того особняка, где погибли двенадцать его и только двое наших бойцов, в Саудовскую Аравию.

Внутренний мир Марии Валадовой, безудержно и беспрепятственно катившийся к краю, споткнулся о больничную койку и, сделав в воздухе замысловатый кульбит, сломал себе шею. Недочитанный в хиппанской юности Достоевский приступил к его реконструкции. Слезы и стыд стали лучшими подмастерьями великого русского инженера человеческих душ. Мария возвратилась на Родину, никого заранее не оповещая, и практически от самого Шереметьево не отрывала глаз от асфальта. Через два дня, после невыносимого объяснения с отцом, она опять же тайно уехала в Дивеево. Впервые за последние годы она путешествовала по России без охраны. По месту прибытия её приняли под опеку настоящие бесплотные ангелы. Если бы не они, несмотря на всю её тягу к перерождению, она вряд ли бы выдержала даже вводную в монастырскую жизнь неделю. Сёстры монахини, сёстры послушницы, такие же, как она, паломницы, все были в глаза к ней очень добры, а за глаза завистливы и искренне не понимали, что она (богатая, молодая, здоровая) здесь делает? Как ни странно, но уже на второй день по её приезде все знали, чья она дочь, какое у отца состояние, какое у них имение. И если другим ищущим спасения и готовящимся к причастию говорили: «Да ладно вам! Не надо так переживать! Не надо так волноваться!» То Марии все в один голос твердили: «Надо! Надо! Надо!» Все хотели от неё подвига.

Уезжая из Москвы, она оставила мобильный телефон на круглом обеденном столе, без объяснений, без записок, давая этим жестом своим близким понять, что не хочет, чтобы её искали. Однако Павел Игнатьевич Валадов не внял пожеланиям дочери. Оторвав бригаду следователей от сбора компромата на московских чиновников, он бросил их на поиски Маши. Профессионалам это было раз плюнуть. И уже в субботу Марию пригласила на разговор матушка настоятельница. Никогда прежде игуменья не разговаривала с глазу на глаз с мирянками, разве что уделяла час-другой их родственникам, приезжавшим редко и совсем не метко. В целом разговор был ни о чём. Настоятельница не спрашивала, что подтолкнуло Марию к паломничеству, какого она роду-племени, к какому сословному званию себя причисляет, как будто и так всё знала. Не спрашивала даже, чего Мария ждёт от пребывания в святой обители. Говорили о христианском следе в русском искусстве. О русской природе. О пагубности городов. О том, что такое тишина, что такое одиночество. О надежде и об отчаянии. Матушке игуменье было важно знать, на что Мария способна и в светлые, и в тёмные минуты своего настроения. Не доверяя словам её отца, настоятельница сама взяла кисти в руки и психологическим портретом Марии осталась довольна. Прощаясь с новой сестрой, настоятельница благодетельствует её. Буквально на днях калымившие здесь белорусские умельцы завершили ремонт пристройки к паломнической трапезной. В одной из комнаток которой у Марии будет отдельная келья. Эта неслыханная милость окончательно убедила Машу, что выбраться из-под отцовского колпака ей не удастся даже здесь, и почему-то почувствовала к нему прилив теплоты.

Прощаясь, матушка игуменья образом преподобной Марии Египетской благословит на краткосрочное послушание новую сестру. И эта икона навсегда останется с Машей Валадовой и всегда будет занимать в её жилищах достойное место в киоте. Ни одна другая святыня так назидательно не напоминала Марии Павловне о том, что она христианка, как взгляд той седоволосой старицы.

Вечером Маша раньше других паломников окажется в храме, почти за час до вечерней службы, где станет свидетелем какого-то обряда, творимого над молодой женщиной, кликушей по имени Елена. Не то алкоголичкой, не то наркоманкой. Маша с трудом признает в ней ту Лену, с которой когда-то соревновалась в вокальном искусстве на питерской даче.

Несколькими годами позже святою предпраздничной ночью она положит перед этим образом поклон, коснётся пальцами пола и наберёт на трубке телефона номер такси. Ни Маруся, ни Маша, ни потом Мария Павловна вплоть до описываемого юбилея никогда не смогут избавиться от классовых предрассудков, от привычек, от отчётливого ощущения своей избранности. И если уж встречать Пасху в храме, то не иначе как в храме Христа Спасителя. Кстати, Света грозилась познакомить её кое с кем после службы. Маша противилась этому, не хотела мешать светлые чувства с необходимостью христосоваться непонятно с кем. Поэтому была несказанно рада, что Света проспала ту необычно тёплую ночь. Их отношения уже нельзя было назвать близкими. Память о совместных приключениях ещё заставляла держать друг друга в поле зрения, но никак не подталкивала искать новых. Хотя Света была бы не против, но найти такого надёжного партнёра, как Маша, всегда готового прикрыть её, мягко говоря, спину, ей было нелегко. Проходя

второе оцепление милиции, Маша, нисколько не сомневаясь, сдала мо-
ложавому майору пропуск Светы, как невостребованный. В храме, не
обращая внимания на сутолоку, она погрузилась в радостную молитву.
Держась глазами мраморного пола, Мария не заметила, как гордо про-
шествовали мимо неё премьер с супругой.

Внимая молитвам, мысленно подпевая им, женским сердцем танцую
под них, она и не заметила, как благоухающая дорогим парфюмом че-
ловеческая масса добродушно закружила её и увлекла за собой. Сте-
пенно следуя в общем потоке, не переставая молиться, Мария вместе
со всеми вышла на свежий, пьянящий воздух весенней ночи, в котором
она чувствовала едва ожившую зелень, запах реки, ладан, долетавший
от начала процессии, и неизбежное приближение чуда. Крестный ход
возглавлял патриарх. Мария шевелила губами, вторя гремевшему хору,
благодарила Небо и ликовала торжественной минуте, когда, поправляя
платок, первый раз за весь вечер подняла глаза.

Она на секунду привстала на цыпочки. Через два шага наступила
кому-то на пятку.

– Простите.

В строгий духовный орнамент песнопений вплелись, как ленты в косы,
гитарные переливы. Патриаршему хору тихо-тихо стал подыгрывать,
сыпать разноцветным жемчугом синтезатор. Симфоническая гармония,
нахлынувшая на Марию, не дала ей почувствовать, как сквозняк из не-
онового тоннеля аккуратно сдувает с неё душеспасительное напыление.

Глаз Мария больше не опускала. Если она и отворачивалась от Оле-
га, то не больше чем на секунду и только затем, чтобы опалить своим
взглядом посмеявшегося толкнуть её ближнего.

По завершении крестного хода все вернулись в храм. Мария думала
про Олега, оставаясь недосыгаемой его взглядом: «Как идёт ему борода».
Любовалась иконописными чертами его лица. Удивлялась причёске
и выражению глаз. Оценивала его гардероб. У кого-то машины дешев-
ле стоят. Нашёл своё место. А какие манеры! И ведь это после тюрьмы!
Как искренне, от плеча к плечу он осеняет себя крестным знаменем.
Премьеру можно было бы у него поучиться. И ещё думала: «Невероят-
но, что мы с ним опять в одной лодке. Никогда не замечала в нём тяги
к возвышенному». И улыбаясь самой себе, добавила: «Думаю, и он во
мне не замечал».

Среди сотен других голосов она различила его баритон:

– Воистину воскрес!

Всю службу, ни о чём больше не думая, она глодала глазами его
профиль. Без стеснения топтала чужие туфли, пытаясь протиснуться
к нему поближе. Крестилась только вместе с ним. Не слышала, как
читают Евангелие. И совершенно не удивлялась такой погоде в своей
душе. Ближе к завершению, уже после «Отче наш», Мария с удовлет-
ворением подметила, что на безымянном пальце его правой руки обру-
чального кольца нет. И в этот самый момент Олег едва заметно изменил
направление своей головы и, насколько это было возможно, скосил в её
сторону взгляд. Две долгих минуты раздумья, и всё-таки твёрдое «нет».
«Не обернусь». И ещё через минуту он так же твёрдо добавил: «По
крайней мере не сегодня».

Когда ей на мгновение показалось, что она чувствует его смятение,
Мария возликовала.

На самом деле для него это был шторм, а не просто сквозняк из не-
онового тоннеля. В левую корму его корабля ударил такой силы порыв,

что корабль накренился и чудом не омочил свои паруса во взбесившихся волнах. Мария ничего не заметила, но Олег едва не потерял равновесие. Можно предположить, что соскочивший с иглы наркоман после двух-трёх лет трезвой жизни чувствует что-то подобное при виде бесплатной дозы самого чистого героина.

Для обоих праздник был испорчен. Окончательно это стало понятно, когда ни он, ни она не дерзнули приблизиться к чаше со святыми дарами, хотя формально были готовы. Олег чувствовал, сколько скверны плещется в его голове, и счёл себя не достойным. А Мария, чтобы не потерять его из виду, пошла бы на любое святотатство, но он стоял, и она не двигалась.

Из храма Олег вышел одним из последних. Мария уже стала волноваться, не покинул ли он его пределы другим выходом. Но он других выходов не знал, просто боялся столкнуться с ней взглядами. Уже на улице, положив последний поклон, боковым зрением отсканировал пространство вокруг себя и быстро зашагал прочь. Несколько сот метров он прислушивался к невнятным шорохам ночи и не мог понять, чем он так раздражён. И понял это, только когда почувствовал её присутствие где-то за спиной и совсем недалеко и, обрадовавшись, приуныл.

Запаха реки в воздухе не осталось, запаха первой зелени тоже. Только стёртые шины, известь, свежая штукатурка.

– Если помнишь, платных стоянок тогда было немного, и он оставил свою машину за километр от храма, во дворе старого-старого дома, – рассказывала Мария Павловна своей гостье, – и чем ближе мы подходили к его автомобилю, тем медленнее он шёл.

Вторая дряхлая львица предвкушала. В её памяти замелькали угловатые джипы тех лет, их просторные салоны, их удобные задние сидения, их самоуверенные и торопливые владельцы-богатые.

Автомобиль радостно пикнул, завидя Олега, завёлся и едва не завилял хвостом. Олег медленно обошёл его два раза, погладил, заглянул в салон, тяжело вздыхая. Потом стал протирать зеркала и лобовое стекло и ни разу не посмотрел по сторонам.

– Я стояла от него метрах в двадцати, не больше. Ждала, но он, как и всю дорогу до этого места, так и не обернулся.

– Так он знал, что ты рядом?

– Конечно, знал. Я же цокала каблуками и достаточно громко кашляла.

– Загадочный лох, – фыркнула Света.

А у Олега между тем в ушах звучали песни юности, весёлая битловская «Бессаме мучо» и душещипательная ария Марии Магдалины из Jesus Christ Superstar, но теперь он так не хотел оставаться юным, что скрёб по сусекам, выискивая последние крупинцы воли и собирая их в кулак. И, будто в лихорадке, никак не мог сообразить, как ему уже поставить точку?

К тому, что львица-юбиляр рассказала потом, её подруга готова не была. Речь шла о том, как выразительны были его движения, как свидетельствовали они о внутреннем противостоянии его гордыни и его любви, так казалось Марии в те минуты. Она живописно изложила развязку их дуэли и с отвращением упомянула о запрещённом оружии, которое применил Олег, смертельно ранив её сердце.

– Мне казалось, что небо треснуло! – всплеснула она руками.

Как колдун-звездочёт из страшной сказки широко открытыми глазами рассматривает новую комету и не может не радоваться этой дурной, зло-

вонной примете, Света смотрела на свою давнюю подругу, первый раз за весь вечер прикрывая ладошкой свои прекрасные поддельные зубы.

– Громко выпустил газ? Это как? Пёрнул, что ли?

Мария Павловна, закрывая лицо руками, кивнула.

– Я так на него надеялась...

– Хиии... Хиии... Хиии-и-и-и...

Чтобы остановить припадок смеха у младшей львицы, старшая звонила в единую службу спасения, которая, кстати, только начала функционировать в том далёком году, про который она вспоминала.

– По какому поводу ржёт? – спросил оператор. Не побоялся, подонок, что за такой вопрос могут урезать оклад. Его счастье, что Мария Павловна с годами потеряла былую хватку и не обратила внимания на его хамство.

В далёком прошлом между тем Олег громко хлопнул дверцей своего квадратнорылого «Мерседеса» класса G. Отчасти со стыдом и в то же время с широкой самодовольной улыбкой он вывернул руль до упора и вдавил педаль газа.

Выстрел был метким, безжалостным и беспощадным. Он никогда больше не вернётся в её память в доспехах рыцаря, и сам уже не сможет вспоминать о ней, не заливаясь краской. А это значит, что теперь его психика, избегая болезненных перегрузок, сама постарается переформатировать их романтическое прошлое и совершит подлог мотивов, и в более сдержанных красках изобразит ему возможные последствия. Олег был доволен тем, как ловко избавился от ещё одного искушения.

Надо признать, что нашему внутреннему миру свойственны такие выкрутасы. В целом, устойчивость нашей психики от них и зависит. И мало кто из нас не пользовался ими. И многим они помогали. Вопрос только, как долго длится эта помощь?

До своего последнего юбилея никому и никогда Мария Павловна ни словом не обмолвится об этом эпизоде. Даже сама с собой она будет стараться не говорить о той степени унижения, которую испытала тогда. Оглушённая треском неба, она десять минут простояла как вкопанная. Потом сняла с головы платок, вытерла им слёзы и, задыхаясь от презрения к бородатым мужчинам, и к мужчинам без бороды, и к женщинам, держащим этих мужчин под руку, и к их общим детям, и к их детям приёмным, сделала шаг в ту же сторону, в которую уехал автомобиль.

Истерики не было, слёзы высохли быстро, ноги не подкашивались, дыхание было ровным. Когда улица пошла несколько в гору, Мария почувствовала, что её сердце бьётся справа, и внутренние органы как будто пришли в движение и безболезненно меняются местами. Так в ней рождалось её новое «я», разумное, сдержанное, хладнокровное и целиком самостоятельное. Удивительно, что история с Азаматом не так сильно на неё повлияла, как последняя выходка Олега. Азамат просто поставил её на место. А Олег опустил ещё ниже. И если в первом случае было понятно за что, то смысл второго на всю её жизнь останется загадкой.

Когда улица опять накренилась несколько вниз, у маленького кабачка для посетителей средней руки, Мария села в такси совсем другим человеком. У своего подъезда, наверное, первый раз в жизни она рассчиталась с таксистом без чаевых.

Через два месяца Мария получит свою первую в жизни зарплату, которой ей хватит ровно на неделю. Дожив до тридцати лет, никогда раньше она не задумывалась, откуда берутся деньги и искренне удивлялась, почему все вокруг такие скряги? Если бы её отец не был

предусмотрителен и не сделал бы её соучредителем нескольких подмосковных предприятий, страшно подумать, какое нищенское существование ей пришлось бы владеть сейчас. Из его рук или из рук мамы Мария теперь не принимала денег категорически. Её новое «я» требовало свободы от их опеки. Будучи при этом натурой деятельной, она осваивала в одном из московских ведомственных НИИ (куда она без отца тоже бы не попала) специальность библиотекаря и вдумчиво отслеживала, как формируются её выплаты от упомянутых подмосковных предприятий. Регулярно участвовала в собраниях учредителей, где смело, высокомерно и даже нагло задавала вопросы, чем выбивала из седла своих оппонентов. Высокомерие, единственная черта из её прежнего багажа, которую Мария захватила с собой в новую жизнь. А в остальном она не сразу и не без труда, но всё же стала очень скромной. Особенно это было заметно на парковке в ряду автомобилей других совладельцев. Так, у её будущего мужа машина была в три раза дороже, а пакет акций сети заводов ЖБИ в три раза тоньше. Позднее, когда они сблизятся, он будет искренне улыбаться тому легкомыслию, с которым позволял себе жалеть её. Одним словом, она сидела на мешках с деньгами и печалилась тем, что сидит, не может найти им применения. За год до трагической смерти отца, необъяснимо тёмного дела, Мария выйдет замуж, и печали кончатся. Мужу вопросов она задавать не будет. Во-первых, отец успеет его изучить и перепроверить и вынесет вердикт:

– Кристально чист!

Во-вторых, он возьмёт её фамилию. Для Марии это станет лучшим доказательством его преданности. Тем более что его родители, представители научной династии, были этим решением огорошены и всё свадебное торжество, все четыре часа, заметно тушевались.

После декрета Мария не вернулась к только что освоенной профессии. Нашла себя в материнстве. На несколько лет забыла практически обо всём, как о материальном, так и о духовном. Благо доходы мужа позволяли и одно и другое.

– Маша! – негодовал он порою. – Опusti его на пол. Разве можно научиться ходить, постоянно сидя на руках?

Только когда сын пошёл в школу, Мария вспомнила тлетворный запах пустоты и безделья, погружаясь в них на несколько часов каждый день. Вместе с бездельем приходили воспоминания, которые очень редко были светлыми и ностальгическими. Чаще они повергали Марию в стыд и уныние, и от некоторых она выпрыгивала из этой ванны как ошпаренная и, закутав голову в махровое полотенце, подолгу сидела на краю и с ужасом думала: «Неужели так и было?»

Чем дальше, тем болезненнее она чувствовала, что даже если никто никогда ничего не узнает о тех гадостях, что они вытворяли когда-то, это не значит, что они их не делали.

Муж всё чаще спрашивал:

– Почему ты такая грустная? Почему у тебя нет подружек? Почему ты ничем не интересуешься, не хочешь развлечься?

– Я хочу второго ребёнка.

– Ты же знаешь, что твои врачи категорически против.

Мария мечтала избавиться от пустоты, мечтала заполнить и душу и голову новым делом, мечтала пресечь набег воспоминаний. Для женщины лучшим выходом из подобного состояния стал бы новорождённый младенец, но восемь гинекологов из десяти ответили ей:

– Мария Павловна, слава богу, что у вас с мужем ничего не получается. Велика вероятность, что... – и очень доходчиво объясняли ей, какому риску она может подвергнуть и плод, и себя.

Муж несколько раз предлагал Марии заняться бизнесом, хотел купить ей сеть парикмахерских или фитнес-центров. Она раздумывала и довольно быстро поняла, что такое занятие не поглотит её с головой, не принесёт желаемого результата, и в её понимании оно было не совсем благородным. «Даже при убедительном успехе, – думала она, – чем я буду гордиться? Стабильными выручками? Смех, и только». Потом муж предложил ей возглавить в их холдинге отдел логистики, который по большей части курировал сам, имея склонность к поиску оптимальных маршрутов, к решению головоломок, к развязыванию гордиевых узлов. Но Мария очень быстро его раскусила и не захотела лишать своего любимого хобби. Да он и сам бы не смог отказаться от него никогда и ей бы не дал полноценно работать самостоятельно.

Изо дня в день, из месяца в месяц Мария продолжала мириться с бессмысленностью, с вакуумом. Муж не был зависим от алкоголя, не изменял, не играл, зарабатывал очень много. Сын учился прекрасно, к четвёртому классу говорил с мамой по-испански и ничем никогда не болел. Их собака, которую они завели два года назад, на каждой выставке брала медаль за медалью. Всем было чем гордиться, и только она оставалась пустым местом. Божественно красивая, чувственная и в сорок, и много позже, с избытком внутренних сил, готовая войти в горящее бунгало или противостоять любому бандформированию. Но ничего не горит, и с террористами давно покончено, апартаменты на Лазурном берегу и недвижимость на Майорке. За что мне эта тишина? За что мне это наказание?

Однажды в кресле самолёта, возвращаясь с сыном из Доминиканы, где они всласть наговорились по-испански с туземцами, Мария вынуждена была услышать разговор двух соседок. Сначала они делились впечатлениями, потом обсуждали сувениры, потом сравнивали Доминикану с Египтом и уже в воздухе над океаном заговорили про свою общую знакомую. Как неожиданно и быстро после смерти мужа она скатилась с областного олимпа, поддавшись, видимо, заложенному в генах пристрастию к спиртным напиткам.

– Ведь кто бы мог подумать. Начальник департамента образования. Ну то, что она зашибает, мы слышали и раньше, но такого штопора никто не ожидал. За год всего обе квартиры, и дом в деревне, и машину, всё спустила. А дочь в Москве ни сном ни духом.

– Женский алкоголизм – коварная болезнь.

Потом они со знанием вопроса ехидно возмущались равнодушию своих земляков. Никто ведь руку не подал. «Наверное, было за что», – думала Мария. И одна из собеседниц ей вторила:

– А чего она ждала? Она из нашей сестры столько жил вытянула, столько крови выпила. Весь департамент бил в ладоши, когда ей контракт не продлили. Два человека только и смогли перешагнуть через себя, чтобы зайти к ней и попрощаться по-человечески. И всего через неделю после отказа нашего министра с ней встречаться, её первый раз увидели в магазине пьяную вдрызг.

Толстушки много о чём похихикали, беседуя о той несчастной. Много чего припомнили и пришли к выводу, что если бы не благотворительный фонд, своевременно оплативший ей операцию после несчастного случая на нерегулируемом перекрёстке, не встать бы ей

с больничной койки. Где была дочь, Мария так и не узнала. День перед отбытием домой был трудным, и теперь она сама не заметила, как задремала. Просыпаясь несколько раз той ночью, она чётко слышала в своих ушах два слова: «благотворительный фонд».

– Машенька, – заговорил её благоверный, разделавшись с ужином, – спасибо. Очень вкусно. Я две недели мечтал о твоих тефтелях.

По тому, как он растягивает слова, и по его улыбке Мария поняла, что сказать он хотел нечто другое, но уточнять не стала. Наблюдая за его мимикой, она пришла к выводу, что у него много мыслей о её проекте и он просто теряется, с какой начать.

– Просто вкус детства. Очень похожи на те тефтели, что я так любил в школе, – разливая по чашкам свежесваренный чай, продолжил муж. – Только держи меня, пожалуйста, в курсе. Не оступись в самом начале нового поприща.

Не оступилась. Получив на руки уставные документы фонда, зарегистрированные в налоговой инспекции, подписала протокол общего собрания учредителей и «Приказ N 1», в котором, опираясь на решение общего собрания учредителей, президентом некоммерческого благотворительного фонда «Кров» назначала себя. В уставе фонда было сказано, что он создан для оказания всесторонней помощи физическим лицам, независимо от их гражданства и/или лицам без гражданства, оказавшимся в тяжёлой жизненной ситуации.

– То есть простор для деятельности не ограничен?

– В законе о благотворительности так и написано: «фонды могут осуществлять благотворительную деятельность, обозначенную в их уставах, и любую другую, не противоречащую законодательству РФ».

Тем же вечером Мария уселась за компьютерный стол мужа. Руки чешались создать сайт для своей организации. Потратив той ночью круглую сумму на интернет, а в нулевые годы, даже в конце, это было неумудрено, она так ничего и не добилась. Сайт был готов спустя только две недели усилиями бригады компьютерщиков. Муж хохотал, оплачивая её счета, но денег не жал и даже не просил её быть поэкономней. Он понимал, что эти траты не самая большая цена её преобразования, её оживления.

Она много думала о выбранной стезе, подбирала обувь, в которой будет удобней идти, в уме пыталась рисовать план-схему своего движения. С первых же дней она поняла, что начинать придётся с себя, надо будет снизойти к этому миру из заоблачной тени, напомнить ему о своём существовании, очаровать, загипнотизировать. И хлынул поток семейных средств на её гардероб, на уроки актёрского мастерства, на психологов, визажистов, врачей. Всем привлечённым специалистам она сначала обещала трёхкратный гонорар, а потом, образно говоря, брала с них подписку о неразглашении. Она озвучивала им, какой хочет стать, и они отвечали: «Тогда держитесь, голубушка, за ваши деньги любой каприз». И гоняли её палками по интеллектуальным стадионам. Правила осанку, учили смотреть в глаза, выговаривать сложные словечки, контролировать мимические мышцы. Ваяли из неё обречённую на вечное совершенство Афину Палладу, отдохнуть которой будет удаваться только в примерочных торговых центров, где она пару раз заснёт в ожидании платья на размер большего или меньшего.

Муж Марии через пару месяцев на одном из кабельных каналов не узнал её в торжественно скромном президенте нового благотворительного фонда, который делился со зрителями своим пониманием проблем современного города. «Значит, деньги потрачены не зря», – подумал он

по окончании интервью. А сколько новых слов в её речи: со-безнача-
лие, со-безучастие, со-равнодушие. А какая убедительная решимость
в глазах.

Ещё через месяц на всю страну в утренней информационной про-
грамме 1-го ТВ-канала было рассказано об уникальной операции по
разделению полугодовальных сиаемских близнецов, брошенных матерью
ещё в роддоме. По словам телеведущего, прогноз успешного заверше-
ния операции не делал никто. Время было упущено. Сросшиеся лбами
младенцы мяли друг друга в кровати одной из подмосковных районных
больниц, с каждым днём приближаясь к точке невозврата, после кото-
рой попытка разъединить их будет обречена. Марию Валадову ужаснули
слова главврача той больницы: «Скорее всего, им суждено стать досто-
примечательностью какого-нибудь дома инвалидов». В утренней про-
грамме эти слова, конечно же, не прозвучали, но именно они подтолкну-
ли Марию открыть свой личный кошелёк, не дожидаясь пожертвований.
Отчаянно смелые специалисты, не боявшиеся неудач, и то не решались
браться за этих пациентов, пока одному из нейрохирургов Мария не по-
клялась памятью отца (а его фамилию москвичи помнили и вздрагивали
при ней), что огласка будет только при благополучном исходе.

– Можете в этом не сомневаться, – подтвердил её слова тому нейро-
хирургу отвечавший за связи МВД с прессой генерал-лейтенант.

Скоро этот генерал, бывший когда-то первым замом отца Марии, во-
шёл в число почётных соучредителей НБФ «Кров», и дела фонда пош-
ли в гору. Каждая готовящаяся акция получала своевременную инфор-
мационную поддержку, а дивиденды от каждой завершённой пресса
охотно преувеличивала. Но назвать это очковтирательством было бы
несправедливо. Подыгрывая тщеславию Марии, пресса работала на бу-
дущее, возможным жертводателям внушала уверенность, что их день-
ги не осядут в карманах соседей по Куршавелю, а возможным получа-
телям помощи внушала надежду на то, что она возможна. Много лет
спустя при награждении её орденом «За заслуги перед Отечеством»,
один кремлёвский функционер так и скажет: «Своей деятельностью
фонды Марии Павловны всегда способствовали снижению градуса со-
циального напряжения».

Хотя один резонансный эпизод из истории фонда мог повлечь за со-
бой волну негодования и рябь протестов не только в Москве. К тому
времени «Кров» помогал уже соотечественникам, попавшим в слож-
ные жизненные обстоятельства по всей стране. В разных городах РФ
было открыто восемь филиалов. Фонд стал межрегиональным. На от-
крытии девятого, в Саратове, Мария Павловна, уже вернувшая себе
статус светской львицы, налаживала контакты с поволжской элитой.
Это на том фуршете от её взгляда смертельно побледнел помощник
губернатора, видимо, узнавший в ней Машу из московского ночного
клуба «Метла валькирии» начала девяностых. Мария Павловна как ни
старалась, вспомнить его не смогла.

По окончании фуршета у Марии Павловны была незапланированная
встреча с двумя достаточно молодыми врачами, искавшими юридиче-
скую поддержку своему проекту. Проект был злободневным и, как по-
казалось Марии Павловне, легко осуществимым.

– У меня через час начало приёма, и первым будет вот такой паци-
ент. Вчера он четвёртый раз должен был проходить комиссию МСЭК,
и что-то мне подсказывает, что ему опять откажут в инвалидности, –
сказал, прощаясь, один из молодых врачей.

То, что это был бизнес-проект, Мария заподозрила почти сразу, но осуждать молодых людей в их желании погреть руки не спешила. У первопроходцев всегда мёрзнут руки.

У одного из молодых эскулапов мама работала в МСЭК, у другого – супруга. Оба были наслышаны о стиле работы этого учреждения, о гласных и негласных разнарядках, спускаемых из регионального министерства здравоохранения, какое количество инвалидов не испортит областную статистику и не будет обременительным для областного бюджета. Невооружённым глазом было видно, что у трети пенсионеров по инвалидности группы занижены, что с первой попытки стать инвалидом удаётся только обездвиженным или ослепшим.

Второй эскулап разговаривал с Марией Павловной ещё около часа.

– Как сказал наш министр руководителю бюро медико-социальной экспертизы в разговоре с глазу на глаз: «Нас устроит, если количество инвалидов, получивших группу в этом году, будет хотя бы на пять человек меньше, чем инвалидов, умерших в этом году».

Может, он и выдумал эту цитату, но её цинизм и образность положили конец колебаниям Марии Павловны. На следующий день она сообщила молодым врачам, что межрегиональный некоммерческий благотворительный фонд «Кров» готов взяться за их проект. Однако, поскольку в его названии и в уставе чётко прописано, что он некоммерческий, ни о какой плате за юридическое сопровождение не может быть и речи. Молодые люди несколько расстроились, но оценив предложенные условия сотрудничества, согласились работать за зарплату.

Достаточно быстро привлечённый с кафедры юриспруденции Саратовского университета специалист разобрался в хитросплетениях федеральных законов, и местных подзаконных актов, и сопутствующей нормативной чепухи и пришёл к выводу, что при объективных медицинских показаниях затягивание положительного решения о назначении пенсии преступно. Штатные юристы фонда разработали рекомендации для граждан, обращающихся в МСЭК и уже в текущем году решили свою методику обкатать. В конце осени в прокуратуру города поступило заявление от гражданки Замочкиной о неправомерном решении саратовской медико-социальной экспертной комиссии по её обращению. Фонд не мог проиграть первое же дело, и понятно, что оно было подготовлено с учётом всех возможных нюансов. МСЭК к такой наглости готов не был, так что к Новому году гражданка Замочкина после четырёх лет мытарств по кабинетам стала обладателем справки об инвалидности третьей группы.

В следующем году, ещё в первом квартале, саратовский филиал фонда выиграл у МСЭК ещё два процесса. И к концу года инвалидов в городе прибавилось на сто пятьдесят человек. Ответственные за принятие решений сотрудники поняли, что дело пахнет жареным, а на помощь к ним никто не приходит, и стали раздавать справки направо и налево. Если бы ушедший ещё в марте в отставку руководитель комиссии в своё время тянул с обратившихся за справкой деньги, он бы, конечно, сел (такой был шум) но нет, он объяснил свои действия идейными соображениями.

Где тише, где громче, но эхо этих событий прокатилось по всей стране, таким образом, всероссийская слава к Марии Павловне пришла в Саратове, и неудивительно, что через три года по одному из одномандатных округов этого региона депутатом Госдумы станет именно она.

Думаю, нет смысла описывать её дальнейшую карьеру во властных структурах. Достижения были настолько блестящими, что даже после

левого поворота никто не ставил ей в вину сотрудничество с бывшей партией власти. Попробовали бы они заниматься благотворительностью, не заручившись её поддержкой. Фонд так же продуктивно функционирует до сегодняшнего дня.

Муж Марии Павловны строил новые города в Сибири и на Дальнем Востоке. Об их разводе общественности стало известно только через три года после того, как это случилось, и большого интереса ни у кого не вызвало. Сын долго занимался наукой в области коммуникационных технологий и стал выдающимся изобретателем и техническим руководителем ФАПСИ. Подруга Света была замужем за тремя олигархами. Другая подруга за премьер-министром Италии. Тот космонавт, который чуть не погиб при облёте Марса, был сыном третьей подруги. Мария Павловна наслаждалась своей жизнью. Вклиниться в неё воспоминаниям, за редким исключением, было некуда.

Света давно уже отдышалась, но разговор между старыми товарками как-то не возобновлялся. Мария Павловна боялась за Свету. Её пальцы слишком дрожали и плохо справлялись с пультами управления её инвалидного кресла. А Света между тем, видя, что подруга боится чем-нибудь ещё её насмешить и поэтому молчит, вздохнула и бесшумно поехала к стеклянной стене, за которой на Москву сыпал редкий снег. Давно Мария Павловна ничему так не удивлялась, как этой бесшумности. Света скоро вернулась от стены обратно и, прочитав удивление в глазах Маши, сказала:

– Тесла! Что ж ты хочешь? Давно бы закупила для своих домов призрания.

– Наши скоро ещё лучше наделают.

– Поживём – увидим.

– Младший сын подарил? – спросила Мария Павловна, проведя рукой по коже сидения.

– У американцев на Нижегородской ярмарке выпросил. Если помнишь, мой последний первым после войны стал с американцами работать, с Илоном Маском. Вот они из доброй памяти и подарили. Еле разобралась.

– Я в Нижнем последний раз шесть лет назад была. Павлик возил на невесту посмотреть.

– Сын?

– Да, зачесалось ему на старости лет второй раз жениться. Ни в Москве, ни в Питере ни на кого не запал, а нашёл себе по интернету в Нижнем какую-то старую деву.

– И что? – Света ослабилась.

Мария Павловна насторожилась.

– Да ничего. Провинциальная интеллигентка. Директор какого-то музея в их кремле. Пятьдесят лет. Выглядит хорошо. Не сильно измята. Её папа и мама так рады нам были, так плясали вокруг нас. Но дочурку к Павлику в гостиницу ночевать не отпустили. Так что, может, и правда дева.

Света прыснула, но смолчала.

– Они нам весь город показали и все окрестности, невестин папа экскурсоводом был. Взахлёб провинциалы любят свои малые родины. Не знаю, как ещё сказать.

– В Саров возили?

– Нет. Возили в другой монастырь. В Сарове, говорят, туристов много, аура испорчена, а за какими-то там озёрами благодать ещё осталась.

Света иронично улыбалась.

– А я склонна в такие вещи верить. И поехала с удовольствием. Тронулись мы ещё ночью, дорога была дальнею. Павлик за рулём был, вёз нас аккуратно и медленно, так что к началу службы, как ни хотелось бы, не успели. В маленький храм полунедореставрированный вошли, когда уже «Отче наш» братия с мирянами пели. Мне показалось, так искренне и так строго пели, так доходчиво, что я впервые за последние лет двадцать-тридцать прониклась. Ты бы видела, с каким благоговением потом принимали Святые Дары и братия, и паломники, мне плакать хотелось от зависти.

– Ой, ничего я не понимаю в этом удовольствии.

– Потом проповедь была о том, что «кто любит отца своего больше, чем Меня, не может быть Моим учеником». Мирские священники никогда на этой цитате проповедей не строят. И в самом конце уже обычно выходит батюшка, тот же, что давал Дары, но теперь не с чашей, а с распятием в руках, и те, кто не смог причаститься, прикладываются к распятию.

– Целуют?

– И получают благословение. Только у них вышел не тот же священник, а в инвалидном кресле выкатили из царских врат старого-старого схимника. И народ, его завидя, стих на секунду, наверное, глазам своим не верил, а потом все так и хлынули к амвону. Монахи только и успевали, падающих на колени поднимать. Говорили, нельзя сегодня, праздник. «Как нам повезло! – сказал мне отец невесты, а потом повернулся к благообразной старушке из местных и спросил у неё: – Неужели отец Савватий?» – «Он, сердешный. Три уж года не вставал, а сегодня ещё затемно велел себя собрать и докатить до храма. Сказал, что ждёт кого-то». Мой потенциальный сват смотрел на ту старушку с недоверием. «Здесь такие новости быстро разлетаются, – ответила она его взгляду, – вы думали, почему столько народу?»

Света только начала что-то подозревать, как Мария Павловна опередила её умозаключения.

– Одним словом, подхожу я одной из последних к святому старцу крест поцеловать и в его голосе «Благословение Господне на рабе Марии» слышу голос Олега.

– Того самого?!

Мария Павловна утвердительно кивала головой. Света опять по привычке хотела ощериться, но не посмела.

– Верь не верь, а по словам тамошних богомольцев отец Савватий к тому дню уже пять лет был абсолютно слеп.

Ультратонко звенела тишина пентхауса.

«Красиво сочиняет», – переворачиваясь на другой бок, подумала маленькая холоднокровная рептилия на самом дне грудной клетки младшей Pantera Leo и, потянувшись, зевнула...